

ИВАН ИВАНОВИЧ КУРИЛЛА. Историк-американист, автор работ о российско-американских отношениях, а также о различных аспектах исторической памяти, проблемах высшего образования и новейшей истории своего родного города Волгограда, активный участник перестроечного движения в Волгограде. Америка — страна классического рыночного общества. Россия — наоборот, а порой, и довольно длительной порой, и вовсе нерыночного общества. Занятия историей этих стран и их взаимоотношениями позволяет увидеть проблему равенства/неравенства объемнее, стереоскопичнее.

Что такое равенство?

У этого слова есть исторические коннотации. Значение его менялось постоянно: начиная с того времени, когда оно стало популярным, и до наших дней. Сначала равенство существовало внутри какой-то группы, а не между всеми людьми. Как определяли себя люди как группу, в которой может быть равенство? Об этом позже. Сейчас о том, что эти группы расширялись, охватывая все большее количество людей, которых раньше туда не включали. Значит, и понятие «равенство» распространялось на кого-то, на кого прежде оно не распространялось. Сначала — только свои. Допустим, белые, французы, мужчины — равенство могло быть только среди них, а женщины — не равные. Не французы — тоже не равные. Но постепенно это менялось. Понятно, что сегодня равенство включает в себя наибольшее количество людей.

Другая проблема равенства состоит в том, что (и это стало понятно, наверное, сразу, а может, и только после Маркса) равноправие — это не совсем то, что равенство. Равноправие не коррелирует с равенством возможностей, равенством доходов, это совсем другая ипостась равенства. После Маркса (наверное, после Маркса) пути равенства и равноправия разошлись направо и налево. Правые борются за равноправие, левые — за равенство. Поэтому именно сейчас равенство настолько многозначное слово, что его могут использовать разные политические силы, вкладывая в него разные значения.

Давайте уточним одну вещь: когда слово «равенство» стало популярным, когда оно вошло в политический обиход?

Со времен Великой французской революции, естественно. С ее лозунга «Свобода. Равенство. Братство».

Лозунг, придуманный Джефферсоном, если не ошибаюсь.

Нет, как раз у Джефферсона равенства-то и не было. В написанной им «Декларации независимости» была иная триада: «Жизнь. Свобода. Стремление к счастью». Французы «равенство» добавили. Может, конечно, Джефферсон им и посоветовал (он был в это время американским послом в Париже), но в его собственных американских документах «равенства» нет.

Тем более что он был плантатор. Какое ж равенство, если у него были рабы?

Ну, рабов он заранее исключал. Я полагаю, что Джефферсон мог говорить о равенстве, даже не думая, что оно может как-то относиться к рабам. Возвращаемся к тому, с чего мы начали: равенство всегда для своих. Старая хохма про Томаса Мора: идеал — у каждого крестьянина будет по меньшей мере четыре раба⁶¹. Утопическое, идеальное общество, в котором есть люди, на которых не распространяются замечательные наши, просветительские лозунги.

Стоит вспомнить и жалобу купцов, депутатов Уложенной комиссии⁶², Екатерине II: мол, если есть равенство перед законом, то несправедливо, что дворяне могут иметь крепостных (рабов), а мы (купцы) — нет. Насчет Джефферсона любопытно. У него же от его рабыни, Салли Хемингс, были дети. И Джефферсон, насколько мне известно, заботился об их судьбе.

Потомки Салли с большим трудом доказали, что они — потомки Джефферсона. Только на рубеже 1990–2000-х, когда появилась генетическая экспертиза, им удалось доказать свое происхождение от третьего президента США. До этого черные потомки

Салли Хемингс утверждали, что они родственники Джефферсона, но белые потомки Джефферсона их не признавали. В конце 90-х официально подтверждена родственная связь⁶³.

Как связаны неравенство и справедливость? Или равенство и справедливость? Я понимаю, что это скорее этический вопрос, но тем не менее...

Ну так и вопрос о равенстве и неравенстве — этический вопрос. Для того же Джефферсона и для менее развитых его современников справедливость по отношению к своим — одно, к чужим — нечто совершенно другое. По отношению к неграм или к индейцам. Тем не менее в слове «справедливость» есть то, чего нет в слове «равенство». В справедливости сразу заложено некое юридическое содержание. Даже в английском justice (право) и есть справедливость. Справедливость и право едва ли не одно и то же.

Ну да, и немецкое слово Gerechtigkeit (справедливость) содержит в себе Recht (право)...

Поэтому, в отличие от равенства, в справедливости есть логика. Как и в любом законе, здесь есть четко просматриваемая схема, в которой существует справедливость и несправедливость. В отличие от равенства и неравенства. Здесь есть потенциальная возможность распространить закон на всех. По умолчанию он не привязан к конкретным людям. Это уже надо специально оговаривать, что тот или иной закон не распространяется на тех или иных людей. Сам по себе закон — абстрактен. По этой причине, опираясь на понятие справедливости, можно бороться с неравенством.

Но ведь, грубо говоря, равенство — это «всем поровну», а справедливость — шит с иголкой, каждому свое...

Да. Мы в студенчестве шутили: как будем делить? Поровну или по справедливости?

Ну да... Я хотел бы заметить, что в равенстве есть несправедливость и в неравенстве — несправедливость. Или — нет? К тому же, что касается законов, то были ведь законы абсолютно несправедливые. Например, «нюрнбергские законы»⁶⁴, запрещающие еврейским гражданам Германии весьма многое. Или крепостное право Российской империи. Тоже закон.

Да. Это так. Более того, сейчас в Соединенных Штатах есть законы, которые предполагают неравенство для выпрямления предыдущих несправедливостей. Преимущество афроамериканцев при приеме на работу. Это ведь тоже неравенство, исправляющее прежнюю несправедливость. Справедливость не всегда предполагает равенство, но справедливостью легче его обосновать.

Кстати о том, что, если не ошибаюсь, называют «позитивной дискриминацией»: насколько стремление к равенству плодотворно и благотворно для общества? В любом виде, в смягченном, как в случае «позитивной дискриминации», или в резком, как у Кампанеллы, Савонаролы или пуритан, первых поселенцев в Америке.

Есть либертарианская точка зрения. Либертарианцы полагают, что равенство убивает. Неравенство необходимо, чтобы люди стремились к чему-то, чтобы в обществе была разность потенциалов, чтобы у каждого была цель, а если будет равенство, то это мрачный казарменный коммунизм. Крайняя такая точка зрения. В ней есть некое историческое развитие понятий равноправия и равенства. Сначала казалось, что достаточно равноправия, достаточно того, чтобы в законе было обозначено: все люди равны. Потом оказалось, что есть такие институционализированные формы неравенства, которые никаким законом не преодолеть. Бедность, необразованность, условия жизни в гетто, скажем. Юридически у человека из квартала афроамериканцев такие же возможности, что и у сына миллионера, но понятно, что ты не сможешь оказаться ни в хорошей школе, ни в хорошем университете, ни на хорошей работе. Формальное равенство может закреплять несправедливость.

Дипломаты это давно знали. Вот славный тому пример. Первый американо-китайский договор 1844 года⁶⁵. В нем было прописано равное право на торговлю в портах друг друга. Но было же ясно, что суда Америки могли входить в китайские порты, а китайцы на своих джонках через Тихий океан плавать не могли. Формально равноправный договор был неравноправным договором. Формальное равенство стало основой для неравенства. Формальное равенство не означало равенства в действительности.

Вспомним декларацию об универсальных музеях⁶⁶, когда начался разговор о том, что надо вернуть артефакты, все музейные экспонаты в страны их происхождения. Из Лувра, из Британского музея, из Эрмитажа надо вернуть все туда, откуда когда-то привезли. И тогда, в 2002 году, все директора крупнейших музеев мира, включая Пиотровского, собрались и написали большую декларацию универсальных музеев. Логика была такая: мы — универсальные музеи, мы храним все человеческое достояние, благодаря этому человеческое достояние становится доступно всему человечеству⁶⁷.

Пиотровский тогда большое интервью дал, в котором говорил: древнеегипетское искусство есть во всех крупнейших музеях мира и поэтому его все знают, а вот древнемексиканское искусство не хуже древнеегипетского, но его нет в крупнейших музеях мира, вот его никто и не знает, или мало кто знает.

Или если и знают мексиканское искусство, то только то, которое есть в крупнейших музеях мира: Диего Ривера, Ороско, Давид Сикейрос...

Однако на это есть такие возражения. Они про неравенство. Мол, вы говорите про универсальные музеи: Эрмитаж, Британский музей, Лувр, а кто может попасть в эти ваши универсальные музеи? Ваши белые богатые люди, которые имеют возможность путешествовать, а люди в Африке, у которых вы это искусство, эти артефакты отобрали и вывезли, до Британского музея не доберутся, и визы им не дадут, и денег у них на путешествия нет. Они-то оказались за пределами равенства

универсальных музеев. Ваше равенство доступа к человеческому достоянию означает равенство для белой цивилизации, для европейцев, американцев и только для них. А не для тех, кого вы в свое время ограбили.

Все ж таки я повторю вопрос: а насколько стремление к равенству плодотворно и благотворно? Насколько правы или неправы либертарианцы?

Получается, что вы пытаетесь заставить меня сформулировать мои политические взгляды, чего я так старался не делать. Будь я очень левым, я бы сказал, что стремление к равенству прекрасно. Будь я очень правым, я бы сказал, что стремление к равенству убивает общество. Я на равном удалении от двух этих крайностей. Во всяком случае стараюсь быть на равном удалении.

Был такой совершенно замечательный кабареист в Германии, Вернер Финк, в жизни которого были и концлагерь и война. После войны в ФРГ он создал «Партию радикальной середины», первым в эту партию вступил Людвиг Эрхард.

Я не уверен, что я в радикальной середине нахожусь, хотя хотелось бы быть в компании с Людвигом Эрхардом. Наверное, я, глядя на активность молодых в соцсетях, чувствую себя все правее. Может, с возрастом так. А может, я остался там, где был, а общество левеет. Общество соцсетей, так скажем. Не знаю. Насчет равноправия у меня (как и у почти всех) сомнений нет. А вот касательно полного равенства — во всем, уравнивания экономического положения всех, — у меня есть сомнения. Я, конечно, не считаю, что либертарианцы правы. Понятно, что у государства и у общества в целом есть некоторые обязанности: например, не позволять людям умирать от голода. Базовые человеческие потребности в современном обществе должны быть удовлетворены. Надо ли людей, которые не хотят добиваться чего-либо в жизни, уравнивать с теми, кто более трудолюбив или более талантлив, — вот здесь у меня сомнения.

Здесь неравенство скорее благотворно. Да. Здесь оно создает стимулы для развития. Вопрос в размерах неравенства, в его источниках. Допустим, этот человек богаче меня, но я понимаю, почему он этого добился. Допустим, он — гениальный художник или олимпийский чемпион, создал какую-то фирму с нуля. А если неравенство возникает от того, что этот человек что-то украл или вовремя оказался рядом с кормушкой, там, где государство раздавало нечто ценное за бесценок, — вот это неравенство теребит общество. Само по себе неравенство может быть плодотворно, но источники неравенства должны быть прозрачны и открыты. Если источники неравенства неясны, то это создает напряжение.

Либертарианец бы сказал: воровать тоже надо уметь. А ты своруй... Попробуй.

Несомненно, но я так не скажу.

Принято считать, что самой свободной страной являются Соединенные Штаты, и одновременно это страна с наивысшим уровнем неравенства... Всегда ли так было? Были ли Соединенные Штаты всегда государством с зашкаливающим неравенством? И с полной свободой?

Говорят, что уровень неравенства в России сейчас больше, чем в США. Не знаю. Экономисты скажут точнее. Но мы сейчас говорим о западном мире. Да. В рамках этого мира в США больше всего неравенства. Насколько больше всего свободы — вопрос. Знаете мое первое впечатление от США, когда я поехал туда еще студентом? У нас тогда была перестройка. И я приехал в Америку, ожидая, что Америка должна быть свободнее, чем Россия. И обнаружил, что там есть ограничения свободы, которых в нашей перестроечной действительности уже не было. Они были не политическими. Они были связаны, с одной стороны, с тем, что называется политкорректностью, а с другой стороны — с тем, что является пуританизмом. Какие-то вещи делать и говорить нельзя, потому что это неприлично.

Для меня это было потрясением. Но я все время говорю, что одна из первых поправок к моему представлению об Америке до поездки — Америка, конечно, свободная страна, но не везде и не во всем. В последние годы перестройки у нас было больше свободы, чем в США, как ни странно. Ну, потом гайки у нас, конечно, подзакрутили.

Но я понимаю, что вы хотите спросить. Да. Для американского общества ценность равенства, понимание равенства отличается от европейского. Всегда отличалось. Американское общество всегда, с колониальных времен и до наших дней, было очень иерархичным. Расовая сегрегация в южных штатах продолжалась до 60-х годов XX века. Расовые иерархии выстраиваются до сих пор, хотя они выглядят не так, как во времена сегрегации. Расовая принадлежность теперь дает тебе преимущества при поступлении в университет.

Стремиться к равенству в Америке никогда не получалось. Не было влиятельных политических сил, которые боролись бы за социальное равенство. Всегда коммунисты, социалисты были маргиналами. Самый большой успех социалистов — 1912 год. Все равно это были небольшие проценты на выборах.

А Хью Лонг?

Хью Лонг? Да. «Share our wealth», «разделим наши богатства». Ну так его и убили. Да. Был такой период, Великая депрессия, когда стало казаться, что другие идеи могут быть более привлекательными, период самого большого сомнения в том, что американские ценности работают, но потом все выровнялось. Война началась. Экономика заработала. Про это забыли.

Был очень показательный спор, касающийся равенства, в 2018 году, во время чемпионата по футболу в России. Победили французы. И случился очень показательный обмен мнениями между популярным американским телеведущим, Тревором Ноа, и французским послом в США.

Тревор Ноа поздравил с победой в чемпионате мира Францию и Африку, потому что игроки сборной Франции в основном

африканцы — либо негры, либо арабы⁶⁸. Французский посол ответил на это обвинением Тревора Ноа в расизме⁶⁹. «Для нас, — писал французский посол, — все игроки нашей сборной — французы. Мы не обращаем внимания на цвет их кожи». Тревор Ноа возразил в том смысле, что как раз позиция французского посла — расизм: не видеть расы. Настоящее правильное поведение — различать людей по цвету кожи.

Для европейца равенство — в неразличении различий. Для американца, уроженца Южной Африки, негра (Тревор Ноа) — равенство в различии.

У Альфреда Теннисона так это и сформулировано: «равенство в различии».

Да. Именно так. В Америке всегда очень тяжело проходили попытки каких-то социальных реформ, введения пособий по безработице, государственных пенсий, это всегда пробивалось через очень большое сопротивление. Знаменитый «обамакэр»⁷⁰ подвергается очень сильной критике. Республиканцы до сих пор хотят его отменить. И у них очень большая поддержка населения. Я спрашивал американцев о реформировании их системы здравоохранения, и мне отвечали: «Мы не хотим, чтобы было так, как в Канаде».

А в Канаде, действительно, не хватает врачей. Там — очереди. Ты должен попасть к специалисту и тебя записывают на полгода вперед. Американцы говорят: «Мы так не хотим. Мы хотим: я вот заплатил и попал к врачу, который мне нужен». При этом в Канаде такая ситуация как раз из-за Америки. Потому что канадские врачи массово уезжают в Америку, где они в разы больше получают за ту же самую работу. Из-за того, что в Америке — платная медицина.

Американцы по этому поводу говорят: «Вот у вас — равенство, вот вы в очереди и стоите». Это как раз то, что они социализмом называют. Социализм для них ругательное слово. Стоишь в очереди, как все. Я лучше заплачу и не буду стоять в очереди.

Понятно: «Я — великан, и мне нужна двойная порция». Скажите, пожалуйста, а как связаны равенство и свобода? Связаны ли они вообще? И каким образом? Может быть, равенство противоположно и едва ли не враждебно свободе? Или, напротив, равенство родственно свободе?

С одной стороны, противоположно, потому что в естественной конкуренции возникает неравенство, и с этим ничего не поделаешь. Если люди свободны, то они создают неравенство. Общество создает неравенство. Для того, чтобы или уравнять всех, или смягчить неравенство, нужно принуждение, и свобода теряется.

С другой стороны, равенство создает более или менее равные условия для начала той же естественной конкуренции. Если ты родился в гетто и у тебя мать-одиночка, то твоя свобода ограничена просто местом твоего рождения. Значит, равенство необходимо для осуществления свободы и свобод. Лозунг Локка: «Жизнь. Свобода. Собственность»⁷¹. Все три понятия друг без друга существовать не могут. Без свободы ты не можешь ни жить, ни собственностью распоряжаться. Без жизни, очевидно, нет ни того, ни другого, а без собственности у тебя тоже нет свободы, потому что ты оказываешься зависим от того, кто обеспечивает тебя пропитанием или работой.

У некоторых индейских племен существовал да и поныне существует обычай: потлач⁷². Это — раздача богатства. Ты разбогател в результате чего-то (удачной охоты, жизни удачной), собираешь всех соплеменников на пир и во время этого пира чуть не все свое богатство раздаешь. Социальный механизм, который возобновляет, восстанавливает равенство.

У древних кочевников нечто подобное происходило во время похорон. Человек разбогател, и все, что он скопил, вместе с ним хоронят в кургане. Его дети опять начинают с нуля. Он не может передать это кому-то. Все его богатство ушло вместе с ним в мир иной. Такой вот механизм, страхующий от создания (скажу по-марксистски) классового общества и государства. Поэтому такие общества и продержались до прихода колонизаторов в такой вот ситуации.

О чем говорит этот пример? О том, что равенство возможно поддерживать, но в результате общество не развивается. Таким и сохраняется в течение тысячелетий — до прихода колонизаторов.

Может, это и хорошо для людей таких обществ, может, у них есть равенство в счастье, но... развитие цивилизации там идет очень медленно или вообще не идет. Равенство оказывается препятствием.

Получается, что сохранение равенства — социальная проблема, а является ли рост неравенства социальной проблемой? И если да, то почему? Скажем, рост неравенства в постсоветской России...

От какой точки считать. Если мы от полностью эгалитарного, традиционного общества приходим к рывку за его пределы, то неравенство, его рост — плодотворны. Действительно, это создает стимулы для развития, о которых мы говорили. С какого-то момента рост неравенства становится... фактором социального напряжения, конфликта. Неравенство начинает восприниматься как несправедливость.

Социальная справедливость ведь не про равенство. Она может и мириться с неравенством. Человек не равен тебе, но это справедливо. Он заработал. А если источник неравенства мутен, то это вызывает... напряженность. Поэтому многие прячут свои богатства, поскольку понимают, что это может вызвать к ним вопросы. И может быть стимулом для разных людей к разным действиям.

Кто-то мигрирует в общества, где больше справедливости; кто-то пытается ввести, внести справедливость (так, как он ее понимает) в родное ему общество. А кто-то впадает в депрессию — зачем стараться, если вверх не пробиться? И ладно. Так и буду прозябать всю жизнь. В любом случае осознание неравенства как несправедливости приводит не к самым лучшим для общества результатам.

Значит, социальная проблема роста неравенства двугранна, что ли? С одной стороны, рост неравенства может привести к росту

социальной напряженности, к социальному взрыву; а с другой стороны, возможен рост социальной депрессии, нежелания бороться, конкурировать, раз никаких перспектив к удаче, к успеху — нет.

Да. Если мы говорим, что неравенство — стимул для работы, и работы продуктивной, то несправедливое-то неравенство этот стимул как раз и убивает. Если я понимаю, что человек во что-то вложил, честно работал и добился успеха, то мне тоже хочется... посоревноваться. А если я понимаю, что этот человек богат не потому, что он работал, а по каким-то другим причинам, а я сколько ни буду работать, таким богатым не буду, а то еще он же придет и отберет, это отбивает всякую охоту соревноваться. То есть неравенство, несправедливое, отбивает желание самому трудиться, самому пытаться что-то сделать.

Тогда все зависит от восприятия неравенства? Если человек будет воспринимать неравенство как нечто абсолютно справедливое и абсолютно нормальное, то не будет ни социальной напряженности, ни социальной депрессии?

Хорошее замечание. Да, традиционное общество, в котором страты, сословия складывались столетиями, а то и тысячелетиями, приучает к неравенству. Люди привыкли в этом жить. Так и живут. В феодальных монархиях, да? Ты родился крестьянином — вот и живешь крестьянином, это не вызывает у тебя фрустрацию или resentment.

Просто современное общество — другое. Мы на другом языке говорим даже. Мы не можем сделать вид, что рост неравенства — это нормально. Хотя остались и в современности общества, где до сих пор неравенство утверждено... традицией. Индийское кастовое общество сразу в голову приходит.

И то там внутри происходит борьба. То есть, с одной стороны, касты продолжают воспроизводить себя, а с другой стороны — много людей в Индии понимает, что это — неправильно. Сто лет (просто сто лет) назад никто в Индии и не думал, что кастовое общество — это неправильно.

То есть вопрос стоит не столько в неравенстве, сколько в ощущении неравенства?

Да. В средневековом обществе слово-то «равенство» существовало, но никто его в качестве нормативного не понимал. Это не было ни целью, ни принципом. Ну да, мы равны с нашими соседями — не более. Но чтобы равенство было правом, этого не было. Только в конце XVIII века, во Франции, — равенство в праве, в принципах общественного устройства. Ну и уж затем это распространилось по всему миру. Речь здесь даже не об ощущениях, а об усвоении этого нового языка описания мира. И надо признать, что это все еще новый язык, хотя ему уже 250 лет.

Ну, я бы возразил насчет Средневековья... В христианстве заложена идея равенства. «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда был дворянином?» — лолларды, XIV век...

Ну, это все-таки... маргинальный автор, Джон Болл, высказал.

В будущем его идеи стали мейнстримом... А к чему приводили попытки установления равенства во всех известных до сей поры обществах?

А какие попытки? Я вот про потлач сказал. Были традиционные общества, в которых существовали механизмы воссоздания постоянного равенства. Это приводило к тому, что общество стабилизировалось, в нем не было конфликтов, но не было и развития, не было серьезных изменений.

Более поздние? Ну, мы, конечно, вспомним большевиков. Эгалитарный, коммунистический эксперимент в России. Хотя есть серьезные сомнения в том, что советский строй был такой уж эгалитарный. Появилась номенклатура. Но тем не менее: изначально был мотив (и он был весьма силен) эгалитаризации общества. Здесь интересно вот что: все мы знаем, к чему плохому привел советский опыт — в частности, к ГУЛАГу, но изначально следствием этого было не только выравнивание, но... и рывок

вперед. Советское общество 20-х годов забежало вперед по сравнению со многими европейцами или американцами. Положение женщин, например, в советском обществе 20-х годов. Детские сады. Вот тут эгалитарный посыл революции позволил совершить прыжок. Потом многое назад отыгралось.

Как ни странно, женщина 20-х годов в Советской России была свободнее, чем в 50-е. При сталинизме будет отыгрыш назад и в смысле социального равенства. А в 20-е это было. Я когда-то удивился, прочитав американскую инструкцию по общению с советскими людьми, в 45-м написанную. До корейской войны⁷³ надеялись на взаимодействие и сотрудничество. Госдеп написал длинную инструкцию американцам, как общаться с русскими, с советскими людьми.

Там было и про то, как водку пить, кстати. Но один раздел — общение с женщинами — меня потряс. «Вы можете встретить женщин, которые в результате русской революции ведут себя нам непривычно. Они обидятся, если вы уступите им место, подадите руку». Словом, это было то, о чем предупреждали нас в конце 80-х, когда мы в Америку ехали. В России это все началось раньше и быстро исчезло. А в Америке началось гораздо позже, но осталось.

Можно ли сказать в этом случае, что эгалитарные попытки поднимают массу общества на некий средний уровень?

Да. Пожалуй. Эгалитарная попытка в России двинула общество вперед. Всё же вперед. Всеобуч⁷⁴. По крайней мере, все научились читать. Массовое образование. То, что мы называем положительными сторонами социализма, было направлено на равенство. Максимально широкий доступ к образованию, к медицине.

К среднему образованию. С высшим свои сложности, да? Потому что ту или другую книжку, без которой невозможно высшее гуманитарное образование, ты мог прочесть только по допуску или подпольно, подстольно...

Это уже не про равенство. Это — про свободу. Но да. Можно сказать, что СССР — страна равенства без свободы. Не хочу захваливать Советский Союз, но не могу не признать, что первоначальный эгалитарный посыл был плодотворен, привел к развитию, к изменениям. Хотя, конечно, когда Дмитрий Быков* всю превозносит советскую модель, меня это коробит.

Но он и не жил тогда...

Ну как не жил. Мы с ним ровесники. В 1984 году школу закончили.

А вы откуда?

Из Волгограда.

Значит, вы очень хорошо знаете, что такое Советский Союз. Человек, который жил в московской интеллигентной среде, в квартире, на книжной полке в которой стоял «Архипелаг ГУЛАГ», в Советском Союзе не жил.

Да. Для меня самым смелым автором, которого я читал в отрочестве и юности, был Евгений Евтушенко.

Но все же продолжу вашу своеобразную апологию раннего Советского Союза. Леди Астор, консерватор, причем консерватор крайний и никакая не левая, поскольку она занималась дошкольным, массовым образованием в Англии, ездила в СССР смотреть, как у нас устроены детсады.

Да. Такие истории я знаю. Американка Холли Флэнаган. Она была профессором театроведения и ездила в Советский Союз в 1920-е годы. Трижды сюда приезжала. Изучала тут театр «Синяя блуза»⁷⁵,

* Внесен в реестр иностранных агентов.

ТРАМЫ (театры рабочей молодежи)⁷⁶. Была в совершенном восторге. И когда Рузвельт стал президентом, он ее назначил руководителем Федерального театрального проекта⁷⁷ (Federal theatre project). Это была государственная программа, задачей которой было — поддержать артистов, они ж тоже без денег остались. В театры во время Великой депрессии перестали ходить.

Холли стала создавать в Америке аналоги «Синей блузы». Театры, которые играли на фабриках в обеденные перерывы короткие пьесы на актуальные темы. Правда, потом, после войны, во времена маккартизма⁷⁸, ее пытались привлечь к ответственности как прокоммунистически настроенную советофилку, но она отбилась. Уверила Комиссию по антиамериканской деятельности⁷⁹, что никакого советского театрального опыта она не воспроизводила, а сама все придумала. Хотя историкам очевидна аналогия между тем, что делала Холли Флэнаган, и советскими театральными экспериментами 20-х годов.

То есть она не попала под раздачу?..

Попала чуть-чуть, но как-то отбилась. Во времена маккартизма много людей, которые с Рузвельтом работали, попали под раздачу. Начиная с Эджера Хисса, который в тюрьме оказался. Чуть не весь Голливуд тогда загремел в черные списки⁸⁰.

Является ли неравенство вечным неустранимым спутником человечества, и в качестве такового устранено быть не может?

Я мог бы сказать, как Энгельс: что раз было время, когда не было неравенства, то почему бы не предположить, что будет время, когда неравенства вновь не будет⁸¹.

А вы, как и Энгельс, полагаете, что были общества, где не было неравенства?

Ну, вот существование потлача доказывает, что имелся механизм ограничения роста неравенства.

А как же неравенство между вождем и племенем?

С этой точки зрения, с какой имеет смысл говорить сейчас, неравенства в этом обществе не было. Если методологически солидаризироваться с Энгельсом (и не только с ним), то неравенство — продукт исторического развития, и, наверное, когда-нибудь неравенства не станет. С другой стороны, сама логика может быть неправильна. Если что-то возникло, чего раньше не было, то почему оно непременно исчезнет? Мы же не можем говорить, что раз было время, когда не было письменности, то в будущем письменность исчезнет?

А почему нет? Новые способы передачи информации — видео, допустим, вот письменность и исчезнет, почему нам знать?

Ну, в этом случае логика работает. Может, неравенство и исчезнет, но то, что возникнет вместо этого, мы бы сегодняшние не назвали равенством. Может быть, уйдет эта оппозиция: равенство/неравенство. Возникнет третий вариант, которого мы просто представить себе сейчас не можем.

Видите ли вы в истории человечества колебания равенства и неравенства? И можно ли в этих колебаниях обнаружить некие закономерности?

Когда мы рассматриваем всемирную историю, то мы должны понимать, что до какого-то времени она была очень разная. Одна линия шла в Европе, другая — в Китае, вокруг Китая. Пересеклись они в историческом масштабе совсем недавно. Лет двести тому назад. Даже не во время Великих географических открытий, а гораздо позже. Мы не очень хорошо знаем, как развивались неевропейские территории до той поры, пока в них не оказались европейцы. Что-то знаем лучше, что-то хуже.

Какие-то колебания равенства/неравенства внутри отдельных регионов были. Совершенно очевидно, что причинами таких колебаний были войны и эпидемии, но вполне возможно, что колебания

такого рода были вызваны и другими факторами. Например, распространением мировых авраамических, монотеистических религий — христианства и ислама. Это распространение увеличивало равенство. Хотя и войну тоже сбрасывать со счета не стоит.

Первоначально эгалитарные тенденции были очень сильны и в исламе, и в христианстве. Потом уже внутри этих религий выросло неравенство. Но исток — все мы братья пред лицом Бога. Все мы равны пред Богом. Это было. И это, кстати, есть.

То есть мировые авраамические, монотеистические религии в начале — мощное эгалитаристское течение, но ведь Северную Америку заселяли пуритане. Было ли тогда в Америке эгалитарное общество?

Было. Последние 15 минут (я замечаю) мы говорим в основном про экономическое равенство. А для пуритан было очень важно то, что у них нет священноначалия. Пуритане все равны. Потому что все в равной степени предстоят перед Богом. У них, конечно, есть уважаемые люди, проповедники, вроде Брэдфорда, который стал губернатором. Но, по представлениям пуритан, это просто первый среди равных.

Тут главное, что этот проповедник — не тот, у кого прямые отношения с Богом. У них у всех прямые отношения с Богом. Для них, для пуритан, это было важно. Они бежали из Европы, в которой их заставляли вписываться в чужие иерархии. На новом месте они пытались создать... да, пожалуй что... эгалитарное общество. И надо сказать, что эта традиция есть в Америке. Потом, в XIX веке, Америка станет местом нескольких десятков социальных экспериментов. Туда отправятся те, кого мы называем утопическими социалистами.

Всем кажется, что американский запад — это место, где можно начать жизнь заново, с нуля, и экспериментировать с устройством своей жизни. Туда отправятся фурьеристы⁸², Этьен Кабе, русские народники — их община была в Канзасе⁸³. На протяжении XIX века в Америке было около ста эгалитаристских общин разного типа, от религиозных до чисто социалистических.

И все экспериментировали с собственностью, с религиозными подходами.

И ничего неплодотворного в этих эгалитаристских попытках в Америке не было? Несмотря на их кратковременность...

Нет, некоторые общины просуществовали довольно долго. Большинство — да, несколько месяцев, как правило. Были общины, которые существовали до смерти своего харизматического лидера. Он держал общину. Онайда⁸⁴ несколько лет существовала до смерти лидера, опять-таки. Американские условия XIX века, да и предыдущих веков, просто предоставляли возможность для такого эксперимента. Государства было мало. Оно было где-то далеко на востоке, а если ты ушел достаточно далеко от государства, то можешь экспериментировать.

Интересно, что все эгалитарные эксперименты и у социалистов, и у религиозных реформаторов сопровождались экспериментами в области семейной жизни. Были там разные варианты моногамных союзов. Либо полная свобода любви, либо многоженство, многомужество. Многомужество чаще, потому что женщин было мало.

Выходит, что равенство приводило к свободе, причем в самом интересном ее аспекте — в сексуальном?

Да. Про это у Александра Эткинда* в «Толковании путешествий» есть целая глава.

В чем особенность обществ, на уровне закона постулирующих неравенство, и какова их судьба?

Причем это закон в широком смысле. Скорее традиция, чем государственный закон. Недавно был в Иерусалиме. Нам объясняли,

* Внесен в реестр иностранных агентов.

что среди ортодоксальных евреев существуют группы, между которыми брачные союзы запрещены. Нам кажется, что и одеты они одинаково, а они — разные. И видят даже те различия в одежде, которые нам не заметны.

И это разделение на ксенофобские группы, оно, к сожалению, весьма присуще людям. Американцы сколько борются с расизмом, однако статистика показывает, что браки между белыми и черными — доля процента. Знаменитая история происхождения очень известной российской журналистки, Елены Ханги. Ее бабушка и дедушка мигрировали из США в 1931 году. Ее бабушка, Берта Бялик (дальняя родственница Хаима Бялика) вышла замуж за афроамериканца, Оливера Голдена.

Его родственники оказались антисемитами, а родственники Берты — расистами. Никакого счастливого брака не предвиделось. Вот они и уехали в Советский Союз, где, как им представлялось, равенство и никакой ксенофобии. Большую часть жизни провели в Узбекистане. Ханга потом написала книжку (на английском, правда) под названием “Soul to soul: A black russian american family, 1865–1992”.

Но в более глобальном виде такие общества существовали? И какова их судьба?

Если говорить про Новое, Новейшее время, то это как раз попытки построения фашистских обществ, жестко иерархических. Как правило, эти общества шли к войне. В Новейшее время мы видим, что общество, на уровне закона или даже глубже соглашающееся на неравенство, идет к войне. Как ни странно, у социального фантаста, Роберта Хайнлайна, в его антиутопическом романе «Звездный десант» очень убедительно и ярко показано высокотехнологичное, иерархичное общество: гражданином можно стать, только повоевав. Хочешь быть гражданином — иди войной.

Может, это связано с тем, что общество, построенное на принципе неравенства, внутри очень стабильно, вот его динамизм и вырывается вовне?

Может быть... А может, это связано с тем, что внутри такого общества, если оно современное, всегда есть социальное напряжение. Мобилизация против внешнего врага это напряжение снимает, переориентирует.

Горючий социальный материал выводится вовне?

Да. Разумеется, мы — неравны, но перед лицом общего врага каждый делает свое дело, мы в единой нации, в едином государстве. Кто посмеет его раскалывать перед внешней опасностью? Кстати, как ни странно, это имеет отношение к Америке. Это страна, на протяжении всей истории которой внутри были серьезные расколы. Там гораздо меньше чего-то скрепляющего, традиционного — того, что в Европе романтизм придумал.

Общего прошлого там нет. Если сказать, что общее прошлое — это отцы-пилигримы, а отцы, матери, дедушки, бабушки того или иного американца приехали в страну в XX веке, какое же это общее прошлое? То, что хорошо работает в Европе (мы все французы, мы все русские), — такого в Америке нет. Одно равное деление, которое всегда на грани взрыва, чего стоит! Поэтому для Америки внешняя опасность всегда играла бóльшую роль, чем для Европы.

Замечательна история, например, с меморандумом дня дурака, поскольку датирован этот меморандум первым апреля 1861 года. Через месяц после того, как Линкольн стал президентом, за две недели до первых выстрелов гражданской войны. Уже половина штатов ушла, объявила о создании Конфедерации, Линкольн еще ничего не сделал. Война еще не началась. Госсекретарь Линкольна, Уильям Генри Сьюард, который и сам хотел быть президентом, считал себя умнее Линкольна, советы ему давал, и вот первого апреля 1861 года Сьюард такой дал совет Линкольну: месяц прошел, ты ничего не делаешь, страна катится к гражданской войне, я предлагаю — немедленно объявить войну или Великобритании, или Франции, или Испании, или Российской империи. Повод изыщем. Для чего? Для того, чтобы удерживать страну от сползания в гражданскую войну. Линкольн совету

не внял, а меморандум сохранил. Таким образом Сьюард хотел вынудить южан-конфедератов почувствовать себя патриотами. Не только выплеснуть горячий социальный материал, но дать возможность ощутить единство...

Смягчить разность/неравенство между южанами и северянами?

Да. Ввести еще один критерий равенства. Объединяющий критерий. Известный факт: шотландцы и англичане на Британских островах плохо друг к другу относились, да и сейчас есть разногласия. А когда Британская империя разрослась и все они поехали — кто в Новую Зеландию, кто в Африку, — то там все они стали британцами. Возникла британская идентичность, которой на островах (как видим) так и не возникло.

То же самое с украинцами и русскими на Дальнем Востоке во время стольпинской переселенческой политики⁸⁵. Переселенцы на Дальнем Востоке — и русские, и украинцы — стали считать себя русскими. Когда вводится внешний фактор, он нивелирует различия.

Здесь же еще важны критерии равенства и неравенства. Мы ведь можем быть неравны по тысяче разных причин. Мы-то имеем в виду прежде всего имущественное положение, социальный статус, отношение к власти, но может быть неравенство и по возрасту, по образованию, по доступу к языку. Критериев много. Что-то важно, что-то нет. Когда появляется внешний враг, то эти критерии становятся для нас менее важными, чем наше неравенство с этим внешним врагом. А здесь-то между собой мы договоримся, независимо от всех этих критериев, важных для нас еще вчера.

В чем вы видите причины социальных катастроф — в росте неравенства или в стремлении к равенству? Возможен ли рост неравенства, не вызывающий ресентимент, не вызывающий стремление к равенству?

Равенство и справедливость — мы возвращаемся ко второму вопросу. Само по себе неравенство может и не вызвать социальной

катастрофы, а неравенство, сопряженное с несправедливостью, вызывает. Если возникает массовое ощущение, что неравенство несправедливо, то социальный взрыв может последовать.

Мои знакомые, которые ездили в Бразилию, описывая эту страну, сказали: «Видно, что в этой стране не было революции». Страна, в которой огромное социальное неравенство; по сравнению с Бразилией даже сегодняшняя Россия страна очень эгалитарная. Неравенство в Бразилии бросается в глаза. Но все привычны к этому неравенству. Это — привычные условия существования.

То есть русская революция, которая произошла давно, чей опыт сейчас оценивается негативно, своим поравнением всех создала нечто такое, что уже назад не отыграешь. А в Бразилии не было революции. Поэтому Бразилия как жила с бросающимся в глаза неравенством, так и продолжает жить. Национальная революция была, а социальной не было.

Значит, вы видите причину социального взрыва не столько в росте неравенства, сколько в ощущении несправедливости, ставшем массовым? То есть если не будет этого ощущения, то никакого социального взрыва не будет и все будет продолжаться как в Бразилии?

Да. Это вполне возможно. Я вспоминаю перестроечные годы. Студентом я был активистом в разных перестроечных организациях⁸⁶. Я прекрасно помню: социальная справедливость была важной частью программы активистов перестройки. При этом тогдашнее неравенство, которое воспринималось как вопиющая несправедливость, в подметки не годится сегодняшнему. Я помню, как наши волгоградские студенты, активисты, нашли обкомовские дачи, через забор слазили, по-моему, чуть не в сами эти «дворцы» проникли. Сфотографировали, принесли.

Даже мне, тогдашнему, эти домики не показались верхом роскоши. Чуть лучше, чем у всех, но ей-богу ненамного. Два холодильника, два телевизора. Роскошь, конечно, запредельная. Нас даже несколько разочаровало это наше разоблачение. Мы-то

ждали: дворцы. А там и дворцов никаких особенных не было. Но ощущение несправедливости было. А сейчас нет этого ощущения. До такой степени нет.

Но все-таки единственное массовое протестное движение удалось создать только Навальному на основе все того же ощущения несправедливости, на основе эгалитарных требований, пусть и в своеобразной упаковке: «Они большие воруют»...*

Не вполне эгалитарное, но, вообще, да... Эгалитарного в движении Навального немало. Вот Навальный-то как раз дворцы и показывает.

Вот именно. Причем любопытно, что его движение охватывает только средний класс, основная масса народа не волнуется, как в Бразилии. Базовые потребности удовлетворены — и слава богу, а чего деньги в чужих карманах считать?

В советское время было все-таки эгалитаристское воспитание. Как бы мы ни воспринимали пропаганду вполуха, но она ж была. И представление о том, что мы живем в стране социального равенства и социальной справедливости, было широко распространено. Поэтому мелкие (по сравнению с ситуацией в будущем) привилегии номенклатуры шли вразрез с представлениями членов общества о своем обществе.

А сейчас у нас нет нормативной эгалитарности. Нет этой нормы. Ну да: живут богаче. И что? Мы же и построили капитализм. Построили общество неравенства. Не стало социальной справедливости как нормы. Хотя — вы правы — Навальный собрал наибольшее количество протестующих.

И насколько это плодотворно? Стремление к равенству?

* Внесен в перечень террористов и экстремистов.

Не знаю. И потом: все же это стремление не к равенству, а к социальной справедливости. Никто же не разоблачает Илона Маска. Источник его богатства прозрачен. А...

Трамп?

Да. Трамп. Хотя Трамп тоже борется за какую-то свою справедливость. Ведь за него голосуют бедные — вот что интересно. Он борется с элитой. Там не про деньги речь идет, а про социальный статус. И он находит большое количество бедных сторонников, у которых та же психология, про которую вы говорили. Базовые потребности удовлетворены, что мне до чужих дворцов. Да пусть у Трампа будут дворцы. Он правильные вещи про элиту с ее политкорректностью, которая нам сильно не нравится, говорит. Потому что дворцы далеко, а те, кому требуется политкорректность, близко.